

Адаптация Шкалы родительского стресса (PSS): исследование на российских матерях с детьми разного возраста

Ю. В. Мисиюк^{1а}, И. В. Тихонова²

¹ Ярославский государственный медицинский университет,
Российская Федерация, 150000, Ярославль, ул. Революционная, 5

² Костромской государственный университет,
Российская Федерация, 156005, Кострома, ул. Дзержинского, 17/11

Для цитирования: Мисиюк Ю. В., Тихонова И. В. Адаптация Шкалы родительского стресса (PSS): исследование на российских матерях с детьми разного возраста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 1. С. 167–189. EDN QKMQCR

Работа посвящена адаптации Шкалы родительского стресса (PSS) на выборке российских матерей с детьми разного возраста. Родительский стресс в современном обществе признан широко распространенным явлением, требующим пристального внимания специалистов. Для диагностики его выраженности в мировой психологии используются Индекс родительского стресса (PSI) и Шкала родительского стресса (PSS). Последний инструмент является общедоступным, но его использование в России требует создания адаптированной версии с проверенными психометрическими свойствами для научных и практических целей. В статье описаны результаты проверки надежности, валидности и факторной структуры Шкалы родительского стресса. В исследовании приняли участие 572 матери в возрасте от 20 до 68 лет ($M = 39,5$), имеющие от 1 до 5 детей. Оценка внешней валидности шкалы проводилась с использованием Методики исследования удовлетворенности родительской ролью К. Ф. Хальверсона и Х. П. Дьюка (1991) в адаптации Е. В. Куфтяк (2009). Конфирматорный факторный анализ позволил получить две структурные модели Шкалы родительского стресса: одну с четырьмя факторами («Родительский ущерб», «Родительские стрессоры», «Потеря контроля», «Родительское недовольство»), другую — с двумя («Дефицит родительских ресурсов» и «Родительские стрессоры»). Определены показатели уровней выраженности родительского стресса по субшкалам для каждой модели. Надежность русскоязычной версии шкалы подтверждена достаточными показателями внутренней согласованности для общей выборки матерей (α Кронбаха = 0,865, $n = 572$); при четырехфакторной и двухфакторной структуре на нормализованной выборке женщин (α Кронбаха = 0,829, $n = 427$). Надежность методики определялась с помощью ретеста ($n = 54$), подтверждена корреляциями достаточной силы ($\min r = 0,540$; $\max r = 0,942$); определена дифференциальная валидность факторов. Шкала родительского стресса представляет собой эффективный инструмент для оценки его уровня как одномерная шкала, описаны ограничения использования двух- и четырехфакторной модели и перспективы исследования.

Ключевые слова: родительский стресс, родительство, материнство, адаптация методики, Шкала родительского стресса. Ю. В. Мисиюк, И. В. Тихонова

^а Автор для корреспонденции.

Adaptation of the Parental Stress Scale (PSS): A study on Russian mothers with children of various ages

Yu. V. Misiyuk^{1a}, I. V. Tikhonova²

¹ Yaroslavl State Medical University,
5, ul. Revolyutsionnaya, Yaroslavl, 150000, Russian Federation

² Kostroma State University,
17/11, ul. Dzerzhinskogo, Kostroma, 156005, Russian Federation

For citation: Misiyuk Yu. V., Tikhonova I. V. Adaptation of the Parental Stress Scale (PSS): A study on Russian mothers with children of various ages. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 1, pp. 167–189. EDN QKMQCR (In Russian)

The article describes the results of the reliability, validity, and factor structure testing of the Parental Stress Scale (PSS) on a sample of Russian mothers with children of different ages. The study involved 572 mothers aged from 20 to 68 years ($M = 39.5$), with 1 to 5 children. The external validity of the scale was assessed using the Methodology for Studying Satisfaction with the Parental Role by C. F. Halverson, H. P. Duke (1991), adapted by E. V. Kuftyak (2009). Confirmatory factor analysis allowed us to obtain two structural models of the PSS: a four-factor model (“Parental Damage”, “Parental Stressors”, “Loss of Control”, “Parental Dissatisfaction”) and a two-factor model (“Lack of Parental Resources” and “Parental Stressors”). The levels of parental stress severity were determined for each model on the subscales. The reliability of the Russian-language version of the SRS is confirmed by sufficient indicators of internal consistency for the general sample of mothers (α Cronbach = 0.865, $n = 572$); with a four-factor and two-factor structure on a normalized sample of women (α Cronbach = 0.829, $n = 427$). Reliability as the stability of the results of the method was determined using a retest ($n = 54$), confirmed by correlations of sufficient strength (min $r = 0.540$, max $r = 0.942$); differential validity of the factors was determined. The SRS is an effective tool for assessing the level of parental stress as a one-dimensional scale, the limitations of using a two- and four-factor model and research prospects are described.

Keywords: parental stress, parenthood, motherhood, adaptation of methodology, Parental Stress Scale.

Введение

Родительство как субъективный трансформирующий опыт и социальная роль имеет большое значение в жизни человека. Современное материнство часто остается пространством напряженности и уязвимости, где многие женщины могут чувствовать себя неспособными справиться с требованиями родительской роли. Родительский стресс (РС) рассматривается как несоответствие между ресурсами, необходимыми для выполнения родительской роли, и воспринимаемой способностью родителя справляться с этими требованиями (Hobfoll, 1989), особенно в условиях возрастающих социальных ожиданий.

Для диагностики выраженности РС разработано несколько методов (Montoro-Pérez et al., 2024), но два наиболее часто используемых благодаря их психометрическим свойствам — это Индекс родительского стресса (Abidin, 1992) и Шкала родительского стресса (Berry, Jones, 1995).

^a Author for correspondence.

Оригинальная шкала родительского стресса (PSS) — это краткий и простой инструмент для оценки уровня родительского стресса, доказавший свою надежность и валидность в научных исследованиях и клинической практике. Теоретическая основа PSS опирается на модель сохранения ресурсов С.Е.Хобфолла (S. E. Hobfoll) (Hobfoll, 1989). Инструмент настроен на оценку субъективного опыта родителей и отражает дихотомию, связанную с восприятием родительства как источника удовольствия или стресса. Положительные аспекты воспитания включают эмоциональные преимущества (любовь, счастье, удовлетворение), чувства близости и личностного роста. Отрицательные элементы связаны с ограничениями, чувством потери контроля над жизнью, а также с временными, финансовыми, эмоциональными и физическими затратами. Дж. О. Берри (J. O. Berry) и У.Х. Джонс (W. H. Jones) использовали PSS в клинической и неклинической выборке из 1276 родителей нормотипичных и атипичных детей до 18 лет (Berry, Jones, 1995).

На сегодняшний день PSS переведена более чем на 26 языков (Louie et al., 2017; Montoro-Pérez et al., 2024). Результаты исследований психометрических параметров разнообразны и представлены двух-четырёхфакторной структурой, включающей от 11 до 18 пунктов. Все авторы поддерживают оригинальную версию, утверждая, что PSS представляет собой одномерную шкалу для диагностики родительского стресса.

Диапазон модификаций, предложенных в различных исследованиях, связан с культурными различиями в переводе, характеристиками выборки, вариативностью формата ответов по шкале Лайкерта и статистическими обоснованиями (Nærde, Sommer Hukkelberg, 2020). PSS широко применяется в исследованиях, охватывающих различные выборки, такие как:

- матери и отцы (Kotsis et al., 2023; Matuszczak-Świgoń, Bakiera, 2023);
- прародители (Gerard et al., 2006);
- смесь клинических и неклинических выборок с неврологическими заболеваниями и без них (Lindström et al., 2024);
- родители, которые заботятся о детях с задержками нейроразвития и поведенческими проблемами (Algarvio et al., 2018; Louie et al., 2017);
- родители детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (Park et al., 2021);
- родители детей с хроническими соматическими заболеваниями (Zelman, Ferro, 2018);
- неклинические популяции, включающие расовое/этническое разнообразие, социально-экономический статус (Holly et al., 2019; van der Knoop et al., 2023);
- родители несовершеннолетних правонарушителей (Caldwell et al., 2007).

В нескольких исследованиях PSS использовали для оценки родительского стресса у матерей младенцев (Ekizoglou et al., 2022; Habibpour et al., 2018), включая тех, кто впервые родил (Nærde, Sommer Hukkelberg, 2020; Oronoz et al., 2007; Pontoppidan et al., 2018). Табл. 1 представляет в хронологическом порядке описательную информацию о некоторых исследованиях, в которых сообщалось об использовании переведенной версии PSS.

Адаптация и проверка психометрических свойств Шкалы родительского стресса (ШРС) для российского родительского сообщества является продолжением уже ведущегося исследования (Мисиюк, Тихонова, 2022) и дополняет дискуссию

Таблица 1. Факторная структура шкалы родительского стресса (PSS) в современных зарубежных исследованиях

Автор адаптации	Характеристики выборки	Количество факторов (метод факторного анализа)	Количество пунктов шкалы (исключенные пункты)
Оригинальная версия: Berry, Jones, 1995 (США) $\alpha = 0,83$	Нормотипичные и атипичные родители ($n = 1276$)	4 (Varimax-вращение)	18 (2, 4)
Oronoz et al., 2007 (Испания)	Впервые ставшие родителями ($n = 211$), с детьми 3–8 месяцев	2 (ЭФА)	12 (2, 4, 7, 8, 14, 16)
van der Knoop et al., 2017 (Голландия)	Родители ($n = 198$) с детьми до 19 лет	2 (ЭФА, КФА)	15 (2, 5, 7)
Algarvio et al., 2018 (Португалия)	Родители ($n = 3842$) с детьми дошкольного и младшего школьного возраста	4 (КФА)	14 (1, 2, 17, 18)
Zelman, Ferro, 2018 (Канада) α Кронбаха = 0,84	Родители ($n = 50$) с детьми 6–16 лет с физическими заболеваниями (астма, диабет, эпилепсия)	4 (КФА)	18
Pontoppidan et al., 2018 (Дания)	Матери ($n = 1110$) с детьми 0–12 мес.	2 (Моделирование Rasch)	16 (2, 11)
Habibpour et al., 2018 (Иран) α Кронбаха = 0,92	Матери недоношенных детей ($n = 500$)	3 (ЭФА, КФА)	18
Nærde, Hukkelberg, 2020 (Норвегия) α Кронбаха = 0,74, $\omega = 0,79$	($n = 1096$) ($M_{\text{возр. ребенка}} = 12$ мес.)	2 (ЭФА, КФА)	13 (1, 2, 4, 15, 18)
Park et al., 2021 (Южная Корея) α Кронбаха = 0,88	Матери ($n = 160$) с детьми с СДВГ ($M_{\text{возр. ребенка}} = 11,28$ мес.)	2 (ЭФА, КФА)	11 (2–5, 7, 8, 11)
Ekizoglou et al., 2022 (Греция) α Кронбаха = 0,83	Матери с детьми 0–12 мес. ($n = 735$)	2 (ЭФА, КФА)	18 (2, 4)
Kumalasari et al., 2022 (Индонезия) α Кронбаха = 0,83	Матери с детьми 3–12 лет	2 (ЭФА, КФА)	15 (3, 4, 9)
Matuszczak-Świgoń, Bakiera, 2023 (Польша) $\omega = 0,88$	Родители ($n = 250$: матери — 126; отцы — 124) с детьми до 19 лет	2 (ЭФА, КФА)	16 (2, 4)
Kotsis et al., 2023 (Греция) α Кронбаха = 0,78, $\omega = 0,79$	Родители ($n = 204$: матери — 124; отцы — 80) с детьми дошкольного возраста с нарушениями речевого развития	4 (КФА)	18 (2, 4)
Lindström et al., 2024 (Швеция) α Кронбаха = 0,87	Родители ($n = 2233$) с детьми 3–17 лет с неврологическими заболеваниями и без них	2 (ЭФА)	17 (14)

поиска оптимальной факторной структуры ШРС, вариаций наиболее эффективного использования шкалы в рамках диагностики РС в исследовательских и практических интересах.

Цель настоящего исследования: провести психометрическую проверку методики «Шкала родительского стресса» путем определения ее структуры с использованием исследовательского и/или подтверждающего факторного анализа, оценки надежности и подтверждения конвергентной валидности на российской выборке родителей, нормализованной по половому составу.

Методы

Участники и процедура исследования. Общая выборка изначально составила 652 родителя, из них 572 матери и 80 отцов в возрасте от 20 до 70 лет. Для повышения репрезентативности выборки отцы, составляющие 12,1 % общей совокупности респондентов, были исключены из дальнейшей психометрической проверки. В итоге была получена выборка, состоящая из 572 матерей в возрасте от 20 до 68 лет ($M = 39,5$, $SD = 7,62$), имеющих от 1 до 5 детей. Респонденты являются представительницами Северо-Западного и Центрального федеральных округов РФ (Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Ярославля, Ярославского района). Критерием отбора для участия в исследовании было наличие детей (ребенка) до 18 лет, проживающих (-его) совместно с родителем. Исследование реализовано в строгом соответствии с политикой конфиденциальности при добровольном участии и информированном согласии всех респондентов в смешанном формате: с помощью онлайн-опроса, в очной форме.

Методики исследования. Шкала родительского стресса (Parental Stress Scale; PSS) (Berry, Jones, 1995) включает как прямые, так и обратные вопросы, оценивающие позитивный и негативный родительский опыт. Ответы оцениваются по шкале Лайкерта от 1 («Полностью не согласен») до 5 («Полностью согласен»). Оригинальная шкала PSS включает 18 пунктов и имеет четырехкомпонентную структуру по 16 элементам PSS (родительские награды, родительские стрессоры, отсутствие контроля над собственной жизнью и родительское удовлетворение), объединенным в два подконструкта РС: стресс («Родительские стрессоры» и «Отсутствие контроля») и отсутствие удовлетворенности ролью (шкалы «Родительское удовлетворение» и «Родительские вознаграждения» измеряют недостаточность этих ресурсов).

Для проверки конвергентной валидности использовалась Методика исследования удовлетворенности родительской ролью (Parent Satisfaction Scale), разработанная Ч. Ф. Хальверсоном (C. F. Halverson) и Г. П. Дьюком (H. P. Duke) (1991) в адаптации Е. В. Куфтяк (Куфтяк, 2009). Опросник включает в себя такие шкалы, как «Удовлетворенность», «Тяжесть/Необременительность родительской роли», «Важность роли родителя».

Этапы исследования. Процесс адаптации ШРС включал несколько этапов:

- 1) перевод инструмента;
- 2) экспертная оценка;
- 3) проверка надежности и факторной структуры.

В 2021–2022 гг. методика была переведена с английского языка, адаптирована лексически и грамматически, а также проверена на эквивалентность оригина-

ду с учетом культурного контекста методом экспертной содержательной оценки (Мисиюк, Тихонова, 2022). Использовался метод прямого и обратного перевода, экспертами выступали билингвы ($n = 4$) с психологическим образованием, специализирующиеся на исследованиях стресса. Затем проводилась проверка факторной структуры, надежности и внутренней согласованности, конвергентной валидности, тест-ретестовой надежности.

Анализ данных. Статистическая обработка материалов проводилась с использованием пакетных прикладных программ IBM SPSS, версия 22. Внутренняя согласованность теста определялась методом α Кронбаха. Факторная структура опросника PSS исследовалась при помощи эксплораторного факторного анализа (ЭФА) ($n = 572$) и конфирматорного факторного анализа (КФА) ($n = 427$). Проверка приоритетности использования ЭФА проводилась по критерию выборочной адекватности КМО. Оценка внешней валидности осуществлялась с использованием коэффициента корреляции Спирмена ($n = 226$). Для определения дифференциальной валидности факторов использовалась извлеченная средняя дисперсия (Average Variance Extracted, AVE > 0,5) и критерий Форнелла — Ларкера (Fornell, Larcker, 1981). Надежность как устойчивость результатов методики определялась с помощью повторного тестирования (ретеста) с применением коэффициента корреляции Спирмена ($n = 54$).

Результаты

Проверка надежности ШРС. Для проверки внутренней согласованности теста применяли метод α Кронбаха, показатель T^2 Хотеллинга, критерий неаддитивности Тьюки. Значение α Кронбаха на выборке из 572 женщин составило 0,865, что является высоким показателем надежности, выражающейся в согласованности пунктов интегральной шкалы. Проверка достоверности различий средних значений всех переменных, участвующих в анализе, доказала, что все переменные имеют разный вклад в общий показатель ($F = 220,719$, $p = 0,000$). Проверка линейности зависимости между переменными, участвующими в анализе ($F = 489,983$, $p = 0,000$), свидетельствует, что показатели коррелируют друг с другом.

Положительные корреляции средней силы между пунктами шкалы и показателями общей надежности варьировались от 0,341 до 0,649, подтверждая их вклад в общую согласованность. Исключением стали пункты ШРС2 и ШРС4, продемонстрировавшие значения 0,276 и 0,266 соответственно. Исключение этих пунктов незначительно повышало показатель общей надежности шкалы.

Проверка факторной структуры ШРС. Учитывая обширный опыт исследований, в вариантах адаптаций PSS мы попытались рассмотреть оптимальную факторную структуру ШРС для русскоязычной популяции женщин, включающую четырех- и двухфакторную модели.

Четырехфакторная структура ШРС. Проверка целесообразности использования ЭФА проводилась по критерию выборочной адекватности КМО, он составил 0,896, что говорит о применимости факторного анализа на данной выборке (Наследов, 2004). При ЭФА использовались методы:

- выделения главных компонент;
- факторизации главных осей;
- α -факторизации с вращением по методу варимакс с нормализацией Кайзера.

Таблица 2. Внутренняя согласованность утверждений и суммарного показателя ШРС на нормализованной выборке ($n = 427$)

Пункт шкалы	Корреляция пункта с суммарным баллом	Квадрат коэффициента множественной корреляции	α Кронбаха при удалении пункта
1	0,496	0,381	0,819
2	0,284	0,143	0,828
3	0,365	0,316	0,828
4	0,212	0,253	0,837
5	0,410	0,304	0,821
6	0,565	0,517	0,815
7	0,528	0,536	0,818
8	0,421	0,315	0,820
9	0,454	0,250	0,819
10	0,514	0,406	0,815
11	0,488	0,356	0,817
12	0,540	0,424	0,814
13	0,423	0,226	0,821
14	0,309	0,340	0,826
15	0,511	0,516	0,818
16	0,479	0,434	0,818
17	0,508	0,358	0,818
18	0,580	0,550	0,815

Было выделено наличие четырех факторов в структуре шкалы, однако максимальный процент накопленной дисперсии (56,68 %) был достигнут только методом главных компонент. Другие методы (метод главных осей, α -факторизация) объясняли менее 50 % дисперсии. Во всех вариантах факторизации 4-й фактор включал всего два вопроса, что недостаточно для надежной оценки. В данном случае ЭФА оказался несостоятельным.

Нами было принято решение о проведении подтверждающего факторного анализа. Достигнута многомерная нормальность (С. R. многомерного эксцесса, равный 4,397 при $n = 427$). В итоге выборку составили 427 женщин от 20 до 68 лет ($M = 39,65$, $SD = 7,37$). На нормализованной выборке показатели надежности оказались несколько иными. Значение α Кронбаха на выборке из 427 женщин составило 0,829, отмечается слабая корреляция с суммарным балом вопросов ШРС2 и ШРС4 (табл. 2).

Структурное моделирование (SEM) методом максимального правдоподобия выполнялось в программе AMOS. Метод предполагает предварительное построение структурных моделей и подтверждение модели авторов методики. Поэтому вопросы ШРС2 и ШРС4, исключаемые авторами, не включались в процедуру КФА. Модель считалась хорошо согласованной с полученными экспериментальными данными при значениях CFI, NFI, GFI, ACFI $\geq 0,90$, RMSEA — не более 0,05 (хорошее согласие) и показателя χ^2/df (приемлемое согласие) — в пределах 2.

Для четырехфакторной модели были получены следующие показатели: $p = 0,000$, CFI (Comparative Fit Index) = 0,955, NFI (Normed Fit Index) = 0,918, GFI (Goodness of Fit Index) = 0,949, AGFI (Adjusted Goodness of Fit Index) = 0,921, RMSEA (Root Mean Square Error of Approximation) = 0,050, $\chi^2 = 181,640$, $df = 88$, $p = 0,000$, $\chi^2/df \approx 2,064$. Последний показатель несколько превышает утвержденные значения, но является допустимым при больших выборках, тем более что все ключевые индексы (GFI, AGFI, CFI, NFI) значительно превышают пороговое значение 0,90, что является сильным свидетельством адекватности модели.

Значения индексов согласия для двухфакторной модели составили: $p = 0,000$, CFI = 0,959, NFI = 0,921, GFI = 0,951, AGFI = 0,925, RMSEA = 0,048, $\chi^2/df = 175,768/89 \approx 1,98$. Результаты показывают, что двухфакторная модель демонстрирует отличное согласие с экспериментальными данными.

Четырехфакторная модель ШРС, содержательно соответствующая шкалам авторского опросника, показывает наличие в структуре методики четырех субшкал, коррелирующих друг с другом (рис. 1) и имеющих достаточный уровень согласованности по шкалам (табл. 3).

Чтобы избежать неверной интерпретации, первый фактор, ранее называвшийся «Родительское вознаграждение», теперь обозначен как «Родительский ущерб» из-за обратного характера вопросов. Субшкала «Родительское удовлетворение» переименована в «Родительское недовольство/досада».

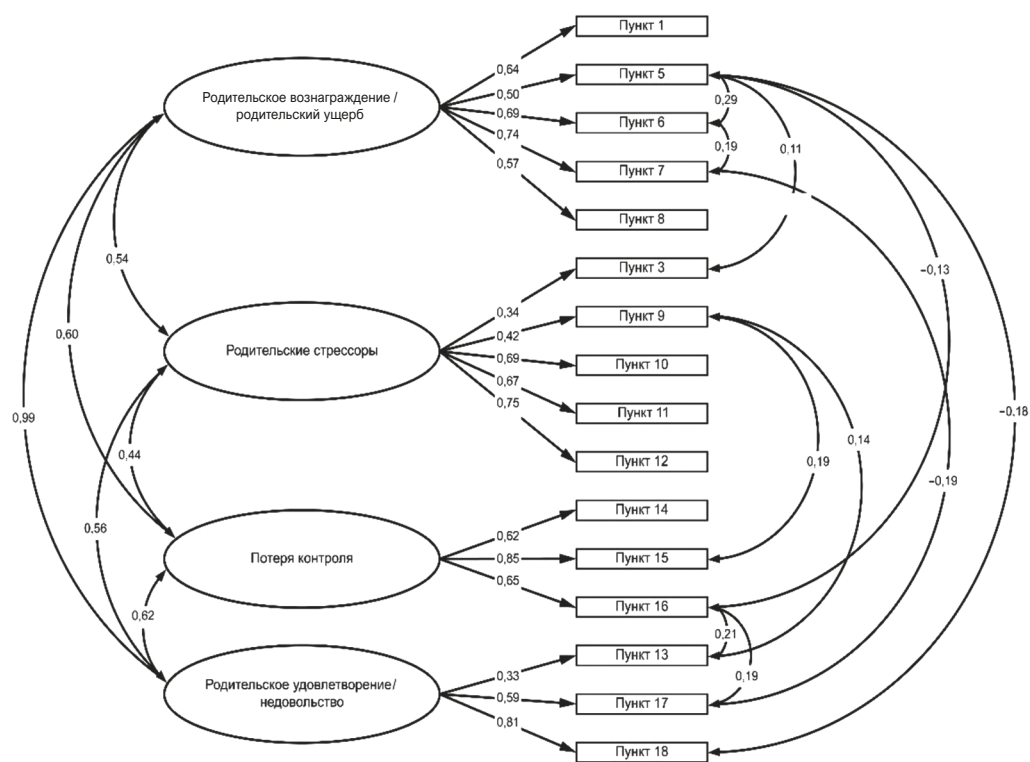

Рис. 1. Визуализация апостериорной четырехфакторной модели ШРС со стандартизованными оценками параметров ($n = 427$)

Таблица 3. Внутренняя согласованность утверждений и показателей по субшкалам в четырехфакторной модели ШРС ($n = 427$)

Пункт субшкалы	Корреляция пункта с суммарным баллом	α Кронбаха при удалении пункта
Родительский ущерб, α Кронбаха = 0,760		
1	0,499	0,728
5	0,442	0,746
6	0,647	0,678
7	0,677	0,674
8	0,476	0,759
Родительские стрессоры, α Кронбаха = 0,694		
3	0,312	0,719
9	0,375	0,675
10	0,544	0,600
11	0,513	0,615
12	0,572	0,604
Пункт субшкалы	Корреляция пункта с суммарным баллом	α Кронбаха при удалении пункта
Потеря контроля, α Кронбаха = 0,723		
14	0,502	0,715
15	0,662	0,481
16	0,547	0,670
Родительское недовольство, α Кронбаха = 0,529		
13	0,289	0,649
17	0,424	0,340
18	0,409	0,376

Показатель α Кронбаха выдает сомнительные результаты в случае измерения шкалы «Родительское недовольство» (0,529). Этот факт может быть объяснен смысловой двусмысленностью формулировки вопроса, содержащей ситуацию выбора: «Поведение моего ребенка (детей) часто меня смущает или вызывает стресс». В данном случае нецелесообразность уменьшения количества вопросов (до двух) в данной шкале и наличие умеренной корреляции вопроса с суммарным баллом позволяют сохранить ее в структуре субшкалы.

Определены показатели нормативных значений для определения уровня выраженности родительского стресса и его показателей и рассчитаны процентиля (квантили), представленные в табл. 4. Данные значения могут быть использованы для определения норм выраженности родительского стресса и его компонентов.

Двухфакторная модель ШРС. Двухфакторная модель включает субшкалы «Родительские стрессоры» и «Родительские ресурсы», каждая из которых содержит 8 вопросов (рис. 2). Вопросы ШРС2 и ШРС4 исключены согласно концепции авторов в связи с низким уровнем согласованности. Субшкала «Родительские ресурсы»

Таблица 4. Описательные статистики выраженности родительского стресса и его показателей в исследуемой выборке по четырехфакторной модели ШРС ($n = 427$)

Субшкала	M	SD	Min	Max	%o		
					25	50 (Med)	75
Родительский ущерб	7,53	2,06	5,00	15,00	6,00	7,00	9,00
Родительские стрессоры	11,44	3,01	5,00	20,00	9,00	12,00	13,00
Потеря контроля	3,98	1,13	3,00	8,00	3,00	4,00	5,00
Родительское недовольство	5,08	1,41	3,00	9,00	4,00	5,00	6,00
Общий уровень родительского стресса	33,65	6,51	18,00	53,00	29,00	33,00	38,00

Примечания: M — среднее; SD — стандартное; %o — процентиль; Med — медиана.

оценивает дефицит ресурсов, так как требует инвертирования ответов. Для избежания ошибок интерпретации название субшкалы уточнено как «Дефицит родительских ресурсов».

Анализ внутренней согласованности субшкал (табл. 5) показывает, что вопрос ШРС13 снижает показатель согласованности в субшкале «Дефицит родительских ресурсов» из-за своей семантической двусмысленности. Несмотря на небольшое

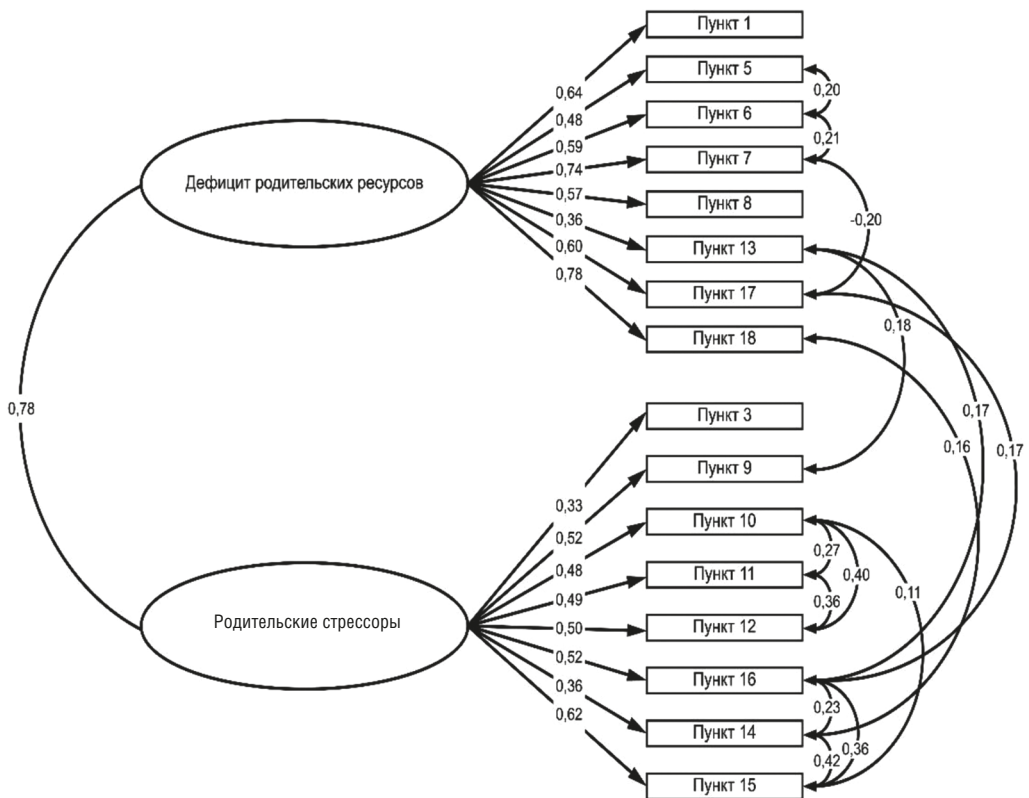

Рис. 2. Визуализация апостериорной двухфакторной модели ШРС со стандартизованными оценками параметров ($n = 427$)

Таблица 5. Внутренняя согласованность утверждений и показателей по субшкалам в двухфакторной модели ($n = 427$)

Пункт субшкалы	Корреляция пункта с суммарным баллом	α Кронбаха при удалении пункта
Дефицит родительских ресурсов, α Кронбаха = 0,791		
1	0,545	0,764
5	0,464	0,774
6	0,643	0,749
7	0,654	0,750
8	0,477	0,776
13	0,312	0,819
17	0,496	0,770
18	0,665	0,748
Родительские стрессоры, α Кронбаха = 0,725		
3	0,292	0,744
9	0,426	0,697
10	0,531	0,672
11	0,524	0,673
12	0,579	0,665
14	0,251	0,727
15	0,444	0,702
16	0,467	0,694

улучшение показателей α Кронбаха при его удалении, корреляция с учетом объема выборки достаточна, поэтому было решено сохранить этот вопрос в структуре шкалы. Нами также были рассчитаны показатели уровней выраженности родительского стресса по субшкалам в двухфакторной модели родительского стресса: определены высокие, умеренные и низкие показатели (табл. 6).

Дискриминантная валидность ШРС. Все показатели Average Variance Extracted (AVE) в четырехфакторной и двухфакторной структуре ШРС ($AVE < 0,5$), что свидетельствует о недостаточной дифференциальной валидности шкал опросника, за исключением субшкалы «Потеря контроля» (табл. 7). При этом показатели AVE четырехфакторной структуры демонстрируют более приближенные к пороговому значения.

Для проверки дифференциальной валидности использовался критерий Форнелла — Ларкера (Fornell, Larcker, 1981). Валидность фактора подтверждается, если его AVE превышает любой квадрат его корреляции с остальными факторами ($AVE_x > \varphi^2_{xy}$ и $AVE_y > \varphi^2_{xy}$), чего не наблюдается в двухфакторной ($\varphi^2_{1-2} = 0,61$, $r = 0,78$) и в четырехфакторной моделях, где только первый и четвертый факторы ($\varphi^2_{1-4} = 0,98$, $r = 0,99$) не выдерживают этого требования. Таким образом, по результатам проверки дифференциальной валидности шкал опросника большую состоятельность демонстрирует четырехфакторная модель ШРС с условием ограничений в отношении шкал «Родительское недовольство» и «Родительский ущерб», измеряющих схожие конструкты.

Таблица 6. Описательные статистики выраженности родительского стресса и его показателей в исследуемой выборке по двухфакторной модели ШРС ($n = 427$)

Субшкала	M	SD	Min	Max	%o		
					25	50 (Med)	75
Дефицит родительских ресурсов	12,61	3,10	8,00	22,00	10,00	12,00	15,00
Родительские стрессоры	15,43	3,59	8,00	25,00	13,00	16,00	18,00

Примечания: M — среднее; SD — стандартное; %o — процентиль; Med — медиана.

Таблица 7. Показатели дискриминантной валидности по двух- и четырехфакторной модели ШРС ($n = 427$)

Показатели AVE	Значение
Четырехфакторная модель	
Родительский ущерб	0,402
Родительские стрессоры	0,356
Потеря контроля	0,509
Родительское недовольство	0,371
Двухфакторная модель	
Дефицит родительских ресурсов	0,369
Родительские стрессоры	0,235

Внешняя (конвергентная) валидность. Оценку содержательной валидности проводили путем установления связей между показателями РС и удовлетворенности родительской ролью на другой случайной выборке женщин ($n = 226$) в возрасте от 24 до 67 лет ($M = 41,5$, $SD = 7,41$), имеющих от 1 до 4 детей, с помощью опросника

Таблица 8. Корреляционные связи показателей родительского стресса и удовлетворенности родительство ($n = 226$)

Показатели удовлетворенности родительство / родительского стресса	Общий уровень удовлетворенности родительство	Удовольствие, получаемое от воспитания и родительства	Тяжесть роли родителя	Важность роли родителя
Четырехфакторная модель				
Общий уровень родительского стресса	-0,56*	-0,49*	-0,58*	-0,47*
Родительский ущерб	-0,53*	-0,51*	-0,40*	-0,55*
Родительские стрессоры	-0,41*	-0,32*	-0,50*	-0,28*
Потеря контроля	-0,30*	-0,29*	-0,36*	-0,21*
Родительское недовольство	-0,47*	-0,43*	-0,44*	-0,41*
Двухфакторная модель				
Дефицит родительских ресурсов	-0,55*	-0,52*	-0,43*	-0,52*
Родительские стрессоры	-0,45*	-0,36*	-0,54*	-0,31*

Примечание: * $p \leq 0,001$.

«Методика исследования удовлетворенности родительской ролью» (табл. 8). Выбор методики опирается на концептуализацию феномена родительского стресса, согласно которой он может рассматриваться как состояние, возникающее вследствие неудовлетворенности родительством. Так как эмпирические данные не имели нормального распределения, то использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Исследование взаимосвязи удовлетворенности родительством как эмоционально-оценочного отношения к воспитательной функции с общим уровнем РС и его составляющими показало наличие множественных достоверных умеренных корреляций. Наибольшей силой среди них обладают связи всех параметров удовлетворенности родительством с общим уровнем стресса и родительским ущербом ($\min r = -0,213$; $\max r = -0,581$).

Тест-ретестовая надежность ШРС. Ретестовая надежность как устойчивость результата методики определялась с помощью повторного тестирования (ретеста) с применением коэффициента корреляции Спирмена с участием 54 женщин. Для этого через 4–6 месяцев после первого заполнения респонденты повторно отвечали на вопросы опросника (табл. 9, 10).

Таблица 9. Корреляционные связи показателей родительского стресса в первом и втором замерах по четырехфакторной модели ШРС ($n = 54$)

Показатели родительского стресса	Общий уровень 2	Родительский ущерб 2	Родительские стрессоры 2	Потеря контроля 2	Родительское недовольство 2
Общий уровень 1	0,82*				
Родительский ущерб 1		0,54 *			
Родительские стрессоры 1			0,68*		
Потеря контроля 1				0,93*	
Родительское недовольство 1					0,94*

Примечание: * $p \leq 0,001$.

Таблица 10. Корреляционные связи показателей родительского стресса в первом и втором замерах по двухфакторной модели ШРС ($n = 54$)

Показатели родительского стресса	Дефицит родительских ресурсов 2	Родительские стрессоры 2
Дефицит родительских ресурсов 1	0,75*	
Родительские стрессоры 1		0,78*

Примечание: * $p \leq 0,001$.

Устойчивость результата шкалы подтверждена корреляциями достаточной силы ($\min r = 0,540$, $\max r = 0,942$) с высоким уровнем значимости, что говорит о высоких показателях надежности.

Обсуждение результатов и заключение

Учитывая разнообразие факторных структур в мировых исследованиях, важной задачей исследования было определение оптимальной структуры шкалы для русскоязычной выборки матерей. Для этого мы объединили методологии ЭФА и КФА, чтобы проверить ранее предложенные решения.

Важно отметить, что из факторной структуры русскоязычной версии ШРС были удалены два пункта: 2 и 4. Мы не нашли исследования, включающие все 18 пунктов PSS и имеющие надежную факторную структуру, включая оригинальное исследование (Berry, Jones, 1995), где два пункта (PSS2 и PSS4) были пропущены из-за отсутствия существенных факторных нагрузок.

К. Номагучи (K. Nomaguchi) и М. А. Милки (M. A. Milkie) также отмечают, что на стресс, испытываемый родителями, влияют менталитет, культура и система убеждений, касающиеся родительства и воспитания (Nomaguchi, Milkie, 2017). Пункты 2 и 4 указывают на готовность родителей жертвовать временем, энергией и затратами на воспитание детей. Эти пункты не описывают родительский стресс, так как в российской родительской культуре «жертвенное и всепоглощающее» родительство является важной характеристикой «хорошего» материнства (Клецина, Иоффе, 2019). Это характерно для многих культур, включая азиатские (Kumalasari et al., 2022). Женщины стремятся позиционировать себя как «справляющихся матерей», даже если не чувствуют себя такими. «Довольно жесткая культурная регуляция материнства вынуждает многих женщин к бесконечному мониторингу себя и других на предмет соответствия мифическим идеалам “хорошего” материнства» (Нартова, 2016, с. 45). Основываясь на кросс-культурных эмпирических доказательствах, включая настоящие результаты, мы поддерживаем аргументы о том, что эти пункты следует исключить из структурного моделирования. В русскоязычной адаптации мы придерживаемся позиции Дж. О. Берри и У. Х. Джонса, указывающих на возможность использования ШРС как одномерной шкалы (Berry, Jones, 1995; Kotsis et al., 2023; Nærde, Sommer Hukkelberg, 2020), где интегральный показатель выступает надежным параметром выраженности РС по 18 пунктам.

В русскоязычной адаптации мы поддерживаем идеи К. Котцис (K. Kotsis) и соавторов (Kotsis et al., 2023) и М. Понттопидан (M. Pontoppidan) и соавторов (Pontoppidan et al., 2018), предполагая, что четыре фактора могут быть подразделениями двух факторов: родительских стрессоров и родительского удовлетворения / родительских ресурсов. Эта гипотеза согласуется с оригинальным исследованием Дж. О. Берри и У. Х. Джонса, поддерживающих дихотомию положительного и отрицательного опыта воспитания (Berry, Jones, 1995).

Результаты адаптации ШРС воспроизводят оригинальную факторную структуру PSS, подтверждая четыре субшкалы, которые можно концептуализировать в соответствии с теоретическим конструктом родительского стресса С. Е. Хобфолла (Hobfoll, 1989): наличие или отсутствие ресурсов (шкалы «Родительский ущерб» (пункты 1, 5–8) и «Родительское недовольство» (пункты 13, 17, 18)) и негативные переживания (шкалы «Родительские стрессоры» (пункты 3, 9–12) и «Потеря контроля» (пункты 14–16)). Полученная структура согласуется с предыдущими исследованиями, где целью было сохранение оригинальной формы шкалы PSS, включая исследования на русскоязычных женщинах (Мисюк, Тихонова, 2022).

Опора на теоретический конструкт РС и анализ существующих исследований позволяет рассматривать четырехфакторную структуру как подструктуру двухфакторной модели. Эмпирическая двухфакторная модель ШРС представлена шкалами «Дефицит родительских ресурсов» (пункты 1, 5–8, 13, 17, 18) и «Родительские стрессоры» (пункты 3, 9–12, 14–16). Чем выше общий балл по измерению напряжения (шкала «Родительские стрессоры») и дефицита положительных аспектов воспитания (шкала «Дефицит родительских ресурсов»), тем более выражен РС.

Субшкалы четырехфакторной структуры «Родительский ущерб» (пункты 1, 5–8) и «Родительское недовольство» (пункты 13, 17, 18) полностью соответствуют шкале «Дефицит родительских ресурсов» двухфакторной модели ШРС и описывают отсутствие положительных последствий воспитания. Высокие баллы по шкале «Дефицит родительских ресурсов» свидетельствуют о недостаточности системы ресурсов и вознаграждений в родительском опыте, что вносит вклад в высокие показатели РС. Субшкалы «Родительские стрессоры» (пункты 3, 9–12) и «Потеря контроля» (пункты 14–16) соответствуют шкале «Родительские стрессоры» и описывают негативные последствия воспитания. Вариативность использования факторной структуры ШРС позволит исследователям и специалистам в области психического здоровья интерпретировать конструкт РС в зависимости от целей исследования с учетом ограничений на основе низкой дискриминантной валидности.

Надежность русскоязычной версии ШРС подтверждена достаточными показателями внутренней согласованности при четырех- и двухфакторной структуре на нормализованной выборке женщин. Однако при анализе структуры четырехфакторной модели ШРС в ситуации сомнительного значения согласованности по шкале «Родительское недовольство» (α Кронбаха $< 0,7$) было принято решение сохранить оригинальную авторскую структуру шкалы, включающую три вопроса. Невысокие показатели внутренней согласованности можно объяснить смысловой двусмысленностью формулировки вопроса и краткостью шкалы, поэтому в данном случае более значимые данные о надежности методики получены при помощи определения тест-ретестовой устойчивости (Сергеева и др., 2016), соответствующей высоким показателям ($p \leq 0,001$) в двух- и четырехфакторном решении. Полученные результаты соответствуют предыдущим исследованиям как в общей популяции, так и у родителей в различных клинических выборках.

При оценке дифференциальной валидности в четырехфакторной структуре установлено, что четвертый фактор по своему конструктивному содержанию не отличается от первого настолько, чтобы считаться независимым измерением недовольства родительской ролью по отдельной субшкале методики. Таким образом, эти два фактора могут быть логично объединены в один (шкала «Дефицит родительских ресурсов»). Однако критерий Форнелла — Ларкера ставит под сомнение дискриминантную валидность двухфакторной модели и требует ее дальнейшей доработки. Важно отметить, что доказательства валидности, подтверждающие предложенную внутреннюю структуру, в оригинальной версии отсутствуют (Berry, Jones, 1995). Это ставит исследователей и практиков, заинтересованных в использовании определенного инструмента, в затруднительное положение — в данном случае мы также не можем исключать изначальные характеристики различий между компонентами многомерной шкалы оригинального инструмента как наиболее важный фактор при разработке и оценке измерительных инструментов. Как показали Р.Крутцен

(R. Crutzen) и Дж. Питерс (J. Peters), лишь в небольшой части многомерных инструментов приводятся явные доказательства валидности их внутренней структуры (Crutzen, Peters, 2017). В исследовании также была продемонстрирована внешняя валидность ШРС. Как и предполагалось, родительский стресс коррелировал с конструктом удовлетворенности родительской ролью. Методика ШРС исследует феномен, тесно связанный с удовлетворенностью родительство, но не идентичный ей. В нашем исследовании не было обнаружено корреляций с возрастом, стажем родительства и количеством детей. Это подчеркивает, что неудовлетворенность родительство — значимый механизм развития родительского стресса, не зависящий от жизненных и демографических обстоятельств.

Таким образом, на основании строгих психометрических оценок в соответствующем культурном контексте с использованием адекватных размеров выборки подтверждено, что ШРС является простым и гибким методом оценки выраженности родительского стресса и его компонентов у матерей, но имеет ряд ограничений. В зависимости от целей исследования шкала может быть рассмотрена как двух- и четырехфакторная модель, охватывающая 16 пунктов, или использована как одномерная шкала, охватывающая 18 вопросов. Проверка оригинальной факторной структуры ШРС по параметрам дискриминантной валидности демонстрирует более приемлемые значения, нежели двухфакторная модель, и может применяться с ограничениями. В частности, важным ограничением является высокая корреляция факторов 1 и 4 и сомнительный уровень надежности четвертой субшкалы. Таким образом, четырехфакторная модель может быть предназначена скорее для использования в исследовательских целях при изучении выраженности родительского стресса в неклинических условиях. Дискриминантная валидность двухфакторной шкалы не выдерживает требований, предъявляемых к оценке измерительных инструментов (Fornell, Larcker, 1981), несмотря на приемлемые уровни внутренней согласованности, в то время как интегральный показатель ШРС может быть использован без ограничений. В сравнении со схожими исследованиями (Бочавер и др., 2024) настоящая адаптация ШРС максимально приближена к оригинальной версии, учитывает возрастное разнообразие респондентов, в ней установлены пороговые значения для шкалы в двух- и четырехфакторном решении (см. Приложение).

Данные результаты могут лечь в основу дальнейшего исследования оптимальной факторной структуры ШРС, в том числе модификации и доработки двухфакторной модели за счет удаления из структуры шкал некоторых пунктов и дальнейшей проверки психометрических свойств ШРС, обеспечивающих ее безупречную валидность для российской выборки. Характеристики выборки, включающие только матерей, также формируют ограничения исследования. Включение отцов и/или категоризация родительской выборки по возрасту детей или стажу родительства могли бы расширить анализируемые аспекты и улучшить репрезентативность выводов.

Литература

Бочавер А. А., Ахмеджанова Д. Р., Байрамян Р. М., Поливанова К. Н. Шкала родительского стресса: адаптация на русскоязычной выборке // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 3. С. 202–221. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150312>

- Клецина И. С., Иоффе Е. В. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 3. С. 72–90. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.6>
- Куфтяк Е. В. Оценка самовосприятия родителей: вопросы исследования и психодиагностики // *Мир науки, культуры, образования*. 2009. № 1 (13). С. 209–212.
- Мисиюк Ю. В., Тихонова И. В. Русскоязычная версия «Шкалы родительского стресса»: результаты первичной оценки внутренней надежности и валидности // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 9 (101). С. 58–66. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.9.9>
- Нартова Н. А. Материнство в современной западной социологической дискуссии // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 3 (80). С. 39–53. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.3.4>
- Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учебное пособие. СПб.: Речь, 2004.
- Сергеева А. С., Кириллов Б. А., Джумагулова А. Ф. Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности // *Экспериментальная психология*. 2016. Т. 9, № 3. С. 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311>
- Abidin R. R. The determinants of parenting behavior // *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*. 1992. Vol. 21, no. 4. P. 407–412. https://doi.org/10.1207/s15374424jccp2104_12
- Algarvio S., Leal I., Maroco J. Parental Stress Scale: Validation study with a Portuguese population of parents of children from 3 to 10 years old // *Journal of Child Health Care*. 2018. Vol. 22, no. 4. P. 563–576. <https://doi.org/10.1177/1367493518764337>
- Berry J. O., Jones W. H. The parental stress scale: Initial psychometric evidence // *Journal of Social and Personal Relationships*. 1995. Vol. 12, no. 3. P. 463–472. <https://doi.org/10.1177/0265407595123009>
- Caldwell C. L., Horne A. M., Davidson B., Quinn W. H. Effectiveness of a multiple family group intervention for juvenile first offenders in reducing parent stress // *Journal of Child and Family Studies*. 2007. Vol. 16. P. 443–459. <https://doi.org/10.1007/s10826-006-9097-y>
- Crutzen R., Peters G. Y. Scale quality: Alpha is an inadequate estimate and factor-analytic evidence is needed first of all // *Health Psychol. Rev.* 2017. Vol. 11. P. 242–247. <https://doi.org/10.1080/17437199.2015.1124240>
- Ekizoglou C., Voursoura E., Anagnostopoulos D., Papageorgiou C., Zervas I. M. Validation of parental stress scale in a Greek sample of mothers with infants from 0 to 12 months: [abstract] // *Infant Mental Health Journal*. 2022. Vol. 43, no. 2. P. 300–310. <https://doi.org/10.1002/imhj.21971>
- Fornell C., Larcker D. F. Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement errors // *Journal of Marketing Research*. 1981. Vol. 18, no. 1. P. 39–50. <https://doi.org/10.2307/3151312>
- Gerard J. M., Landry-Meyer L., Roe J. G. Grandparents raising grandchildren: The role of social support in coping with caregiving challenges // *The International Journal of Aging and Human Development*. 2006. Vol. 62, no. 4. P. 359–383. <https://doi.org/10.2190/3796-DMB2-546Q-Y4AQ>
- Habibpour S., Afrooz G. A., Shokohi Yekta M., Farzad V. A., Besharat M., Nakhshab M. Validation of parenting stress scale for mothers of premature infants in Iran // *Journal of Mazandaran University of Medical Sciences*. 2018. Vol. 28, no. 162. P. 115–127.
- Hobfoll S. E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // *American Psychologist*. 1989. Vol. 44, no. 3. P. 513–524. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.44.3.513>
- Holly L. E., Fenley A. R., Kritikos T. K., Merson R. A., Abidin R. R., Langer D. A. Evidence-base update for parenting stress measures in clinical samples // *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*. 2019. Vol. 48, no. 5. P. 685–705. <https://doi.org/10.1080/15374416.2019.1639515>
- Kotsis K., Boukouvala M., Serdari A., Koullourou I., Siafaka V., Hyphantis T. Parental Stress Scale: Psychometric properties in parents of preschool children with developmental language disorder // *Healthcare*. MDPI. 2023. Vol. 11, no. 9. Art. 1332. <https://doi.org/10.3390/healthcare11091332>
- Kumalasari D., Gani I. A. A., Fourianalistyawati E. Adaptasi dan properti psikometri parental stress scale versi bahasa Indonesia // *Jurnal Psikologi Ulayat: Indonesian Journal of Indigenous Psychology*. 2022. Vol. 9, no. 2. P. 332–353. <https://doi.org/10.24854/jpu527>
- Lindström T., Bergman T. H., Annerstedt M., Forster M., Bölte S., Hirvikoski T. Psychometric properties of the Parental Stress Scale in Swedish parents of children with and without neurodevelopmental conditions // *Scandinavian Journal of Child and Adolescent Psychiatry and Psychology*. 2024. Vol. 12, no. 1. P. 10–22. <https://doi.org/10.2478/sjcapp-2024-0002>

- Louie A.D., Cromer L.D., Berry J.O. Assessing parenting stress: Review of the use and interpretation of the parental stress scale // *The Family Journal*. 2017. Vol. 25, no. 4. P. 359–367. <https://doi.org/10.1177/1066480717731347>
- Matuszczak-Świgoń J., Bakiera L. Psychometric properties of the Polish version of the Parental Stress Scale // *Roczniki Psychologiczne*. 2023. Vol. 26, no. 1. P. 23–46. <https://doi.org/10.18290/rpsych2023.0002>
- Montoro-Pérez N., Oliver-Roig A., Montejano-Lozoya R., Richart-Martínez M. Psychometric properties of parental stress scales used in paediatric health care settings: A systematic review // *Journal of Clinical Nursing*. 2024. Vol. 33, no. 3. P. 911–931. <https://doi.org/10.1111/jocn.16920>
- Nærde A., Sommer Hukkelberg S. An examination of validity and reliability of the Parental Stress Scale in a population based sample of Norwegian parents // *PLoS One*. 2020. Vol. 15, no. 12. P. 242–251. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0242735>
- Nomaguchi K., Millie M. A. Sociological perspectives on parenting stress: How social structure and culture shape parental strain and the well-being of parents and children // K. Deater-Deckard, R. Panneton (eds). *Parental Stress and Early Child Development: Adaptive and maladaptive outcomes*. Cham: Springer International Publishing, 2017. P. 47–73. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-55376-4>
- Oronoz B., Alonso-Arbiol I., Balluerka N. A. Spanish adaptation of the parental stress scale // *Psicothema*. 2007. Vol. 19, no. 4. P. 687–692.
- Park S. Yo., Kim J. H., Jeong M. Yo., Lee Yu. S., Shin J. E., Lee Ye. J. Reliability and validity of the Korean version of the Parental Stress Scale for children with attention-deficit/hyperactivity disorder // *Psychiatry Investigation*. 2021. Vol. 18, no. 12. P. 1188–1197. <https://doi.org/10.30773/pi.2021.0116>
- Pontoppidan M., Nielsen T., Kristensen I. H. Psychometric properties of the Danish Parental Stress Scale: Rasch analysis in a sample of mothers with infants // *PloS One*. 2018. Vol. 13, no. 11. P. 1–20. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0205662>
- van der Knoop M. M., Schmidt L. J., Jansson B. Translation and psychometric properties of the Dutch Parental Stress Scale // *Psychreg Journal of Psychology*. 2023. Vol. 7, no. 2. P. 83–95.
- Zelman J. J., Ferro M. A. The parental stress scale: Psychometric properties in families of children with chronic health conditions: [abstract] // *Family Relations*. 2018. Vol. 67, no. 2. P. 240–252. <https://doi.org/10.1111/fare.12306>

Статья поступила в редакцию 11 февраля 2025 г.;
рекомендована к печати 26 июля 2025 г.

Контактная информация:

Мисиюк Юлия Викторовна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0003-3257-1978>,
misiyuk@ysmu.ru

Тихонова Инна Викторовна — канд. психол. наук; <https://orcid.org/0000-0001-7756-0610>,
inn.007@mail.ru

References

- Abidin, R. R. (1992). The determinants of parenting behavior. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 21 (4), 407–412. https://doi.org/10.1207/s15374424jccp2104_12
- Algarvio, S., Leal, I., Maroco, J. (2018). Parental Stress Scale: Validation study with a Portuguese population of parents of children from 3 to 10 years old. *Journal of Child Health Care*, 22 (4), 563–576. <https://doi.org/10.1177/1367493518764337>
- Berry, J. O., Jones, W. H. (1995). The parental stress scale: Initial psychometric evidence. *Journal of Social and Personal Relationships*, 12 (3), 463–472. <https://doi.org/10.1177/0265407595123009>
- Bochaver, A. A., Ahmedzhanova, D. R., Bajramjan, R. M., Polivanova, K. N. (2024). Parental Stress Scale: Adaptation in the Russian-speaking sample. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo*, 15 (3), 202–221. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150312> (In Russian)
- Caldwell, C. L., Horne, A. M., Davidson, B., Quinn, W. H. (2007). Effectiveness of a multiple family group intervention for juvenile first offenders in reducing parent stress. *Journal of Child and Family Studies*, 16, 443–459. <https://doi.org/10.1007/s10826-006-9097-y>

- Crutzen, R., Peters, G. Y. (2017). Scale quality: Alpha is an inadequate estimate and factor-analytic evidence is needed first of all. *Health Psychol. Rev.*, 11, 242–247. <https://doi.org/10.1080/17437199.2015.1124240>
- Ekizoglou, C., Voursour, E., Anagnostopoulos, D., Papageorgiou, C., Zervas, I.M. (2022). Validation of parental stress scale in a Greek sample of mothers with infants from 0 to 12 months. *Infant Mental Health Journal*, 43 (2), 300–310. <https://doi.org/10.1002/imhj.21971>
- Fornell, C., Larcker, D.F. (1981). Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement errors. *Journal of Marketing Research*, 18 (1), pp. 39–50. <https://doi.org/10.2307/3151312>
- Gerard, J.M., Landry-Meyer, L., Roe, J.G. (2006). Grandparents raising grandchildren: The role of social support in coping with caregiving challenges. *The International Journal of Aging and Human Development*, 62 (4), 359–383. <https://doi.org/10.2190/3796-DMB2-546Q-Y4AQ>
- Habibpour, S., Afrooz, G.A., Shokohi Yekta, M., Farzad, V.A., Besharat, M., Nakhshab, M. (2018). Validation of parenting stress scale for mothers of premature infants in Iran. *Journal of Mazandaran University of Medical Sciences*, 28 (162), 115–127.
- Hobfoll, S.E. (1989). Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress. *American Psychologist*, 44 (3), 513–524. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.44.3.513>
- Holly, L.E., Fenley, A.R., Kritikos, T.K., Merson, R.A., Abidin, R.R., Langer, D.A. (2019). Evidence-base update for parenting stress measures in clinical samples. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 48 (5), 685–705. <https://doi.org/10.1080/15374416.2019.1639515>
- Kletsina, I.S., Ioffe, E.V. (2019). Norms of female behavior: Traditional and modern models. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 3, 72–90. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.6> (In Russian)
- Kotsis, K., Boukouvala, M., Serdari, A., Koullourou, I., Siafaka, V., Hyphantis, T. (2023). Parental Stress Scale: Psychometric properties in parents of preschool children with developmental language disorder. *Healthcare*, 11 (9), 1332. <https://doi.org/10.3390/healthcare11091332>.
- Kuftyak, E.V. (2009). Evaluation of self-perception of parents: Research issues and psychodiagnostics. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 1 (13), 209–212. (In Russian)
- Kumalasari, D., Gani, I.A.A., Fourianalistyawati, E. (2022). Adaptasi dan properti psikometri parental stress scale versi bahasa Indonesia. *Jurnal Psikologi Ulayat: Indonesian Journal of Indigenous Psychology*, 9 (2), 332–353. <https://doi.org/10.24854/jpu527>
- Lindström, T., Bergman, T.H., Annerstedt, M., Forster, M., Bölte, S., Hirvikoski, T. (2024). Psychometric properties of the Parental Stress Scale in Swedish parents of children with and without neurodevelopmental conditions. *Scandinavian Journal of Child and Adolescent Psychiatry and Psychology*, 12 (1), 10–22. <https://doi.org/10.2478/sjcapp-2024-0002>
- Louie, A.D., Cromer, L.D., Berry, J.O. (2017). Assessing parenting stress: Review of the use and interpretation of the Parental Stress Scale. *The Family Journal*, 25 (4), 359–367. <https://doi.org/10.1177/1066480717731347>
- Matuszczak-Świgoń, J., Bakiera, L. (2023). Psychometric properties of the Polish version of the Parental Stress Scale. *Roczniki Psychologiczne*, 26 (1), 23–46. <https://doi.org/10.18290/rpsych2023.0002>
- Misiyuk, Yu. V., Tikhonova, I.V. (2022). Russian version of the “Parenting Stress Scale”: Results of the initial assessment of internal reliability and validity. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 9 (101), 58–66. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.9.9> (In Russian)
- Montoro-Pérez, N., Oliver-Roig, A., Montejano-Lozoya, R., Richart-Martínez, M. (2024). Psychometric properties of parental stress scales used in paediatric health care settings: A systematic review. *Journal of Clinical Nursing*, 33 (3), 911–931. <https://doi.org/10.1111/jocn.16920>
- Nærde, A., Sommer Hukkelberg, S. (2020). An examination of validity and reliability of the Parental Stress Scale in a population based sample of Norwegian parents. *PLoS One*, 15 (12), 242–251. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0242735>
- Nartova, N.A. (2016). Motherhood in modern Western sociological discussion. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 3 (80), 39–53. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.3.4> (In Russian)
- Nasledov, A.D. (2004). *Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data*. St. Petersburg, Rech' Publ. (In Russian)
- Nomaguchi, K., Milkie, M.A. (2017). Sociological perspectives on parenting stress: How social structure and culture shape parental strain and the well-being of parents and children. In: K. Deater-Deckard, R. Panneton (eds). *Parental Stress and Early Child Development: Adaptive and maladaptive outcomes* (pp. 47–73). Cham, Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-55376-4>

- Oronoz, B., Alonso-Arbiol, I., Balluerka, N.A. (2007). Spanish adaptation of the Parental Stress Scale. *Psicothema*, 19 (4), 687–692.
- Park, S. Yo., Kim, J. H., Jeong, M. Yo., Lee, Yu. S., Shin, J. E., Lee, Ye. J. (2021). Reliability and validity of the Korean version of the Parental Stress Scale for children with attention-deficit/hyperactivity disorder. *Psychiatry Investigation*, 18 (12), 1188–1197. <https://doi.org/10.30773/pi.2021.0116>
- Pontoppidan, M., Nielsen, T., Kristensen, I.H. (2018). Psychometric properties of the Danish Parental Stress Scale: Rasch analysis in a sample of mothers with infants. *PLoS One*, 13 (11), 1–20. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0205662>
- Sergeeva, A. S., Kirillov, B. A., Dzhumagulova, A. F. (2016). Translation and adaptation of short five factor personality questionnaire (TIPI-RU): Convergent validity, internal consistency, and test-retest reliability evaluation. *Экспериментальная психология*, 9 (3), 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311> (In Russian)
- van der Knoop, M. M., Schmidt, L. J., Jansson, B. (2023). Translation and psychometric properties of the Dutch Parental Stress Scale. *Psychreg. Journal of Psychology*, 7 (2), 83–95.
- Zelman, J. J., Ferro, M. A. (2018). The Parental Stress Scale: Psychometric properties in families of children with chronic health conditions. *Family Relations*, 67 (2), 240–252. <https://doi.org/10.1111/fare.12306>

Received: February 11, 2025

Accepted: July 26, 2025

Authors' information:

Yulia V. Misiyuk — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0003-3257-1978>, misiyk@ysmu.ru

Inna V. Tikhonova — PhD in Psychology; <https://orcid.org/0000-0001-7756-0610>, inn.007@mail.ru

Шкала родительского стресса

БЛАНК

Инструкция: Следующие утверждения описывают чувства и представления о родительском опыте. Подумайте о каждом из пунктов с точки зрения Ваших обычных отношений с ребенком (детьми). Укажите, насколько Вы согласны или не согласны со следующими пунктами, отметив степень согласия с утверждением в отведенном для этого поле.

№	Формулировка утверждения	Полностью не согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить	Согласен	Полностью согласен
		1	2	3	4	5
1	Я счастлив в роли родителя*					
2	Для меня практически не существует того, что я бы не смог(ла) сделать для своего ребенка (детей) в случае необходимости*					
3	Забота о ребенке (детях) иногда требует больше времени и сил, чем я могу им дать					
4	Иногда я беспокоюсь, достаточно ли я делаю для своего ребенка (детей)					
5	Я ощущаю близость со своим ребенком (детьми)*					
6	Я наслаждаюсь временем, проведенным со своим ребенком (детьми)*					
7	Мой ребенок (дети) является(-ются) важным источником любви для меня*					
8	Рождение ребенка (детей) дает мне более уверенный и оптимистичный взгляд на будущее*					
9	Основной источник стресса в моей жизни — это мой ребенок (дети)					
10	Появление ребенка (детей) оставляет мало времени и свободы действий в моей жизни					
11	Наличие ребенка (детей) является финансовым бременем					

№	Формулировка утверждения	Полностью не согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить	Согласен	Полностью согласен
		1	2	3	4	5
12	Мне сложно совмещать разные обязанности из-за моего ребенка (детей)					
13	Поведение моего ребенка (детей) часто меня смущает или вызывает стресс					
14	Если бы мне дали второй шанс, возможно, я бы решил(а) не иметь ребенка (детей)					
15	Я чувствую себя подавленным ответственностью быть родителем					
16	Рождение ребенка (детей) означает для меня отсутствие выбора и слишком мало контроля над моей жизнью					
17	Как родитель я удовлетворен*					
18	Дети — источник моей радости*					

Примечание: * Обратные вопросы.

Подсчет баллов:

Чтобы вычислить оценку выраженности родительского стресса, пункты 1, 2, 5–8, 17 и 18 должны быть оценены в обратном порядке следующим образом: (1 = 5), (2 = 4), (3 = 3), (4 = 2), (5 = 1). Затем баллы по пунктам суммируются, возможен подсчет показателей по шкалам (факторам) и общий показатель выраженности родительского стресса.

Определение показателей выраженности родительского стресса по двухфакторной модели

Фактор	Вопросы (№)	Нормы
Дефицит родительских ресурсов	1*, 5*, 6*, 7*, 8*, 13, 17*, 18*	Менее 10 — низкий уровень; 10–15 — умеренный уровень; 16 и выше — высокий уровень
Родительские стрессоры	3, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16	Менее 13 — низкий уровень; 13–18 — умеренный уровень; 19 и выше — высокий уровень
Общий уровень родительского стресса	Сумма показателей по всем вопросам после инвертирования обратных вопросов	Менее 29 — низкий уровень; 29–38 — умеренный уровень; 39 и выше — высокий уровень

Определение показателей выраженности родительского стресса по четырехфакторной модели

Фактор	Вопросы (№)	Нормы
Родительский ущерб	1*, 5*, 6*, 7*, 8*	Менее 6 — низкий уровень; 6–9 — умеренный уровень; 10 и выше — высокий уровень
Родительские стрессоры	3, 9, 10, 11, 12	Менее 9 — низкий уровень; 9–13 — умеренный уровень; 14 и выше — высокий уровень
Потеря контроля	14, 15, 16	Менее 3 — низкий уровень; 3–5 — умеренный уровень; 6 и выше — высокий уровень
Родительское недовольство	13, 17*, 18*	Менее 4 — низкий уровень; 4–6 — умеренный уровень; 7 и выше — высокий уровень
Общий уровень родительского стресса	Сумма показателей по всем вопросам после инвертирования обратных вопросов	Менее 29 — низкий уровень; 29–38 — умеренный уровень; 39 и выше — высокий уровень